

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1–1.09

М. Н. Кузьмина, Г. Ю. Филипповский

Философско-почвеннические мотивы в лирике ярославского поэта К. Васильева

Автор рассматривает философско-почвенные мотивы в лирике ярославского поэта Константина Васильева. Основные темы в его поэзии: тема России и родной земли, тревога за родину, находящуюся на очередном рубеже. В своей лирике поэт, как и все почвенники, обращается к народно-православным и классико-литературным традициям, активно использует жанровые богатства фольклора и литературы.

Ключевые слова: Константин Васильев, «почвенное» направление в литературе, дискурсные формации, сквозная тема земли и России.

M. N. Kuzmina, G. Ju. Philippovsky

Philosophic and Nationalistic Motives in Yaroslavl Poet K. Vasiliev's Lyric Poetry

This article gives consideration to philosophic and nationalistic motives in Yaroslavl poet Konstantin Vasiliev's lyric poetry. The principal themes in his poetry are the theme of Russia and the native land, the theme of anxiety for Motherland at the turn of further development. The poet, as all national loyalists, turns to folk, orthodox, classic and literary traditions, mainly he uses folklore and literature treasure in his lyric poetry.

Keywords: Konstantin Vasiliev, nationalistic school in literature, discourse structures, the prevailing theme of land and Russia.

Русская лирика конца XX в. представляет собой богатое, хотя и пестрое явление: концептуализм соседствует с рок-поэзией, духовный стих с реализмом. «Почвенное» направление в эти годы переживает переломный, переходный период развития. Но поэт не существует отдельно от действительности, даже если, казалось бы, он пишет о себе, в этот момент он все равно творит в контексте своей эпохи. Эту ситуацию рождения текста М. М. Бахтин обозначил как диалогическую: «Живое высказывание, осмысленно возникшее в определенный исторический период в социально определенной среде, не может не задеть тысячи живых диалогических нитей, сотканых социально-идеологическим сознанием вокруг данного предмета высказывания, не может не стать активным участником социального диалога. Оно и возникает из него, из этого диалога, как его продолжение, как реплика, а не откуда-то со стороны подходит к предмету» [5, с. 90].

Так, становление поэта К. Васильева происходит на фоне эпохи *fin de siècle* (конца века), которая отождествляется с декадансом, упадком, ду-

ховным разложением, с утратой нравственных критериев, безвольным смирением и растерянностью образованной части общества перед лицом социальных невзгод, назревших катастроф и усилившихся противоречий в момент очередного кризиса. Эти годы характеризуются не только чувством усталости и эстетским любованием, но и надеждой, жадной обновлением, верой в будущее. Так, М. Нордау в 1884 г. в своей книге «Вырождение» писал: «Это настроение чрезвычайно смутное; в нем есть лихорадочная неутомимость и тупое уныние, безотчетный страх и юмор приговоренного к смерти. Преобладающая его черта – чувство гибели, вымирания. "Fin de siècle" – исповедь и в то же время жалоба» [10, с. 24].

Эта эпоха, с неизменной переходностью и кризисностью, ярко отразилась в поэзии К. Васильева, богатство и сила которой формировались из тысяч живых связей слова со своим временем и эпохой. Каждое стихотворение поэта – это пример жизни диалогического слова, когда процесс творчества возникает не из поэта, а из его актуализации слова, которая является диало-

гичной по своей природе. Подобная диалогичность словесного творчества художника коррелирует с современными коммуникативными стратегиями культуры (литературы), раскрытыми в научных исследованиях современных теоретиков, в частности, В. И. Тюпы. Суть своей концепции он теоретически обосновал в новейшей научной монографии «Дискурсные формации», предмет которой – коммуникативные стратегии культуры, что в настоящее время является новым и актуальным в науке. Тюпа в своей работе утверждает, что он является продолжателем работ великого теоретика культуры и литературы М. М. Бахтина. Ученый пишет: «Конвергентное “я” реализует себя не в ролевом исполнительстве и не в акте самоутверждения, а в “диалоге согласия” (Бахтин) с иными субъектами жизни» [13, с. 26]. Это означает, что «я» субъекта всегда диалогично, дискурсивно. В. И. Тюпа отмечает, что такому сознанию присуща «полицентричность, при которой “я” составляет лишь один из множества ее центров» [13, с. 26]. В свете этой теории становится очевидным факт появления и развития «почвенной» поэзии, о которой еще в 1996 г. Г. Белая отметила: «Идеология, политическая позиция, историко-философская концепция, тематика и поэтика “деревенщиков” на нынешнем этапе – все это может быть понято как особый тип культуры со своей системой этических и эстетических ценностей, укорененных в традиционном крестьянском пространстве старой и новой России» [6, с. 16].

Стал очевидным тот факт, что поэты-«почвенники» преувеличивали возможности русской деревни. Сам народ оказался на очередном перепутье, в очередном духовном кризисе. Мало того, исчезает само крестьянство, к духовному и нравственному опыту которого апеллировали деревенщики. Это подтверждают и личные трагические судьбы поэтов: Н. Рубцова, П. Мелехина, А. Прасолова, С. Чухина, К. Васильева. Мотив ощущения трагического ухода остро ощущается в их лирике:

Н. Рубцов:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.

[12, с. 165]

Б. Примеров:

Еще не много слов, и дни земные
В последний раз предстанут и падут.
И я уйду от них в поля иные,
Оставив прах земной земным на суд.

Еще немного слов, и парус белый
Умчит ладью мою от берегов.
То будет час, – паду я онемелый...
Еще, еще, еще немного слов...

[15]

К. Васильев:

Иль застрелюсь в больнице, как Ван-Гог,
Иль с голоду подохну, словно Блок?
Иль скорбны дни окончатся мои на
Веревошке Цветаевой Марины?
Куда ни плюну – всюду мой конец.
Поэт на свете не жилец.

[7, с. 257]

Но «почвенное» направление возникло в литературе не случайно. В основе этой идеологии и культуры лежали различные причины: противоречивая действительность и процесс рациональных изменений в стране и в сознании народа, ставший следствием трагических событий XX в. и кризиса советской системы. Поэт Васильев в каждом стихотворении отражает результат этого дискурсного взаимодействия с окружающей средой. Как точно подметил он это в своем стихотворении «Мне претят словеса о свободе...»:

Мне претят словеса о свободе.
Мне противны витии вон те,
Что всерьез говорят при народе
О вчерашней своей слепоте.
Зренье нам не дано ль от рожденья?
Так молчи, говорливый урод!
Чтобы ты сдохло, мое поколенье!
Чтоб ты сдохло от этих свобод!

[7, с. 257]

Горячая публицистичность и пессимизм исчезают, когда поэты обращаются к теме Родины и России. Так, К. Васильев всегда пишет о современной России как об абсолютной идее, наделяя каждое стихотворение глубоким философским смыслом. Поэты все дальше уходят от пафосности и пытаются отыскать, как пишет В. Н. Барков: «...глубинный смысл всего происходящего в России» [4, с. 265], а поэт Васильев восклицает:

Что Россия не моя стихия,
Я давно догадываюсь, но
Вместе с ней барахтаюсь в грязи я...
Я и не ищу другой России.
К слову, мне и этой не дано.

[7, с. 34]

Неизменной чертой этого времени стал все возрастающий интерес к православию и к хри-

стианству вообще, особенно к их духовно-нравственному наследию, его возрождению уже в новых литературных проявлениях. И это понятно – литература сейчас стремится возродить народные идеалы в их первоизданности и полноте. Поэт Васильев, будучи некрещеным человеком, говорит о Боге как основе земного бытия. Бог – это природа, это дух, это космос.

Каждый вздохнет о своем –
 Всем полегчает немного.
 Все мы себя узнаем
 В образах, данных от Бога.

[7, с. 85]

Сквозные темы «почвенной» лирики – темы земли и России, которые раскрыты, как отмечает В. Н. Бараков, «через общий мотив “умирания” деревни, периодическое “возвращение” в нее, чувство вины перед покинутой «родной стороной». [4, с. 272]. Болью и ностальгией отзываются строки стихотворений К. Васильева. Например:

Врожденное чувство родимой земли
 Не может остыть и не может пропасть.
 Всегда я узнаю, что травы взошли,
 Что травы готовы под косами лечь.

[7, с. 107]

Это «чувство родимой земли» соединяется с мотивами опустошенного дома и храма как символов разрушенной России. В связи с этим и общий мотив сиротства, который у одних (А. Прасолов, О. Фокина) был связан с личными трагедиями (поколение «безотцовщины»), у других приобрел общенациональный (Н. Рубцов, К. Васильев) и даже вселенский (Ю. Кузнецов) смысл. Близок этим лирикам, по мнению Баракова, «и мотив неопределенной, необъяснимой тоски, свойственной русской лирике XIX–XX вв. (от Лермонтова до Есенина и Рубцова)» [4, с. 272]/ Отчуждение от родных корней, от дома, от родной истории – путь к сиротству. Но это – предостережение для других.

Мне холодно, нимало не бахвалюсь,
 И полное отсутствие пути,
 Везде – распустье, всюду – взаперти,
 Один, как перст, сию – брожу, смекаю,
 Что предо мною пройденный этап...

[7, с. 239]

Отсюда и трагическое мироощущение этих поэтов. Объясняется это, в том числе, глубинным постижением образной системы народного поэтического творчества. Особое внимание поэтов

«почвенного» направления к народным истокам, к фольклору и мифу определяется не только социальными и биографическими причинами, но и развитием самой художественной литературы как искусства слова, как формы драматического возвращения к классическим традициям, поиска духовной основы, такой необходимой во время потери всяческих ориентиров. Поэты-почвенники, в том числе и К. Васильев, наиболее последовательно обращались к средствам русского фольклора, к славянской и мировой мифологии. Ориентация поэтов на народное мировоззрение, в основе своей – крестьянское, всегда была главной в их идейно-эстетических исканиях.

Я грешен, ибо я пишу стихи,
 Не зная, увенчаются ль старанья,
 Осудят ли потом мои грехи?
 Избавят ли меня от наказанья?
 Но поздно отступать, идти назад:
 Поэзия сильнее всех сомнений,
 Пусть я растерзан буду, пусть распят –
 Ведь стоит наслаждение мучений!

[7, с. 8]

Фольклор и мифология для «почвенников» – неотъемлемая часть их собственного мировоззрения, необходимая для воссоздания народных идеалов как показателя народности их поэзии. В. Н. Бараков пишет: «Творчество “почвенников” восходит к разным направлениям фольклорной традиции: песенной – у Н. Рубцова, мифологической – у Ю. Кузнецова, песенно-сказочной – Н. Тряпкина, частушечной – у О. Фокиной, разговорной – у С. Викулова» [4, с. 273]. В этом вопросе К. Васильев родственен Ю. Кузнецову. Жанровые богатства фольклора использовались этими поэтами наиболее полно. Высокая нравственность и духовность фольклора и мифологии расширяла возможности чисто литературных жанров, таких как элегия, баллада и даже ода. Например:

Снова в неизвестность я ушел.
 Снова убеждаюсь: все известно.
 Катится клубок доброт и зол,
 Размотается – пустое место.
 Катится клубок, как колобок,
 Я – конец из рук не выпускаю.
 Среди многочисленных дорог
 Ни одну себе ни выбираю.
 Бездорожьем катится клубок...
 Ну-ка, прибавляй, дружище, ходу,
 Сделай завершающий виток,

Чтоб конец к концу – и оба – в воду!
[7, с. 24–25]

У поэтов «почвенного» направления жанры дружественного послания и любовной миниатюры встречаются очень редко; любовная лирика в их творчестве не занимает значительного места. Бараков отмечает, что «почвенники» относятся к любви, к семье как к тайне и как к таинству. Может быть, здесь наблюдаются отголоски православной традиции, в которой наиважнейшей ценностью в земной жизни является семья» [4, с. 273]. Любовная лирика К. Васильева представлена в сонетной форме; подобные стихотворения составляют небольшую часть его лирики. Каждое из них – крик души, попытка разобраться в себе; на мой взгляд, в этих стихотворениях Васильев-поэт гораздо откровеннее, чем человек:

Когда меж нами все рождало споры –
Тогда пиши пропало. Лучший друг,
Мы спорить стали даже из-за выюг,
Но как с тобой мы далеки до ссоры!
[7, с. 62]

Приметами их стиля стали типично фольклорные принципы: олицетворение, контрастность образов, символизация, ставшая основным способом художественного выражения только у Н. Рубцова, Ю. Кузнецова и К. Васильева, но символика для них – своеобразный «эзопов язык». Сама по себе эта символика, уходящая в глубь веков, как отвечает Ю. Мамлеев: «...безошибочно воздействует на любого русского человека, будь он самый закоренелый урбанист и городской житель, воздействует независимо от политических, философских и даже религиозных убеждений людей, от всего вообще, надо только быть русским духовно» [9, с. 43]. Одновременно нельзя вести речь о какой-либо национальной ограниченности их творчества, потому что само обращение к фольклору и мифу означает для них неразрывную связь с традициями мировой литературы. Такой язык поэта во многом универсален. Не случайно К. Васильев с большим успехом работает как переводчик с европейских языков (английского, французского, болгарского). Следует отметить высокое качество перевода, глубокое проникновение в строй той или иной национальной поэзии.

Уже не впервые поэты переходного периода fin de siècle при всех их исканиях, где-то трагических, обогащали своим творчеством отечественную поэзию. Так было с Ф. Сологубом,

К. Бальмонтом и другими поэтами конца XIX – начала XX в.

Таким образом, К. Васильев как яркий представитель «почвеннической» поэзии, благодаря своему таланту, выходит за рамки направления (подобно А. Блоку, В. Маяковскому, С. Есенину). Его волновали те же проблемы, но он пошел дальше: органично совместив фольклорные и классические традиции, в лучших своих произведениях новаторски переосмыслил опыт предшественников в открытом диалоге со своим временем конца XX – начала XXI в.

Библиографический список

1. Агеносов, В. Современные русские поэты [Текст] / В. Агеносов, К. Анкудинов. – М., 1997. – 112 с.
2. Анкудинов К. Очерк творчества: Ю. Кузнецов [Текст] / К. Анкудинов, В. Бараков // Журнал литературной критики и словесности. – 2005. – № 1.
3. Базанов, В. Г. Фольклор и русская поэзия начала 20 века [Текст] / В. Г. Базанов. – Л., 1988. – 310 с.
4. Бараков, В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция [Текст] / В. Н. Бараков. – Вологда : Русь, 2004. – 349 с.
5. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
6. Белая, Г. Ответы на вопросы. Круглый стол «Какой должна быть история литературы» [Текст] / Г. Белая // Вопросы литературы. – 1996. – № 5–6. – С. 16
7. Васильев, К. Избранное [Текст] / К. Васильев. – Ярославль, 2003. – 320 с.
8. Лотман, Ю. М. Статьи о русской и советской поэзии [Текст] / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц. – Таллин, 1989. – 160 с.
9. Мамлеев Ю. Философия русской патристической лирики [Текст] // Советская литература. – 1990. – № 1. – С. 39–50.
10. Нордау, М. Вырождение [Текст] / М. Нордау. М., 1997. – С. 24.
11. Померанц, Г. С. Выход из транса [Текст] / Г. С. Померанц. – М., 1995. – 575 с.
12. Рубцов, Н. Стихотворения [Текст] / Н. Рубцов. – М., 1983. – 165 с.
13. Тюпа, В. И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике [Текст] / В. И. Тюпа. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
14. Эпштейн, М. Н. Парадоксы новизны [Текст] / М. Н. Эпштейн. – М., 1988. – 414 с.
15. Примеров, Б. «Еще не много слово, и дни земные...» <http://er3ed.grz.ru/primerov.htm> доступ свободен. Проверено 22. 07. 2009 г.